

— Борьба с Гостремом настолько нас всех захватила, что в жертву ей была брошена даже зимняя рыбалка сезона 1974-1975. Во всяком случае никаких особых воспоминаний об этом сезоне у меня не осталось, что может быть следствием просто редких выходов на лёд. Правда, возможно, что "под трубы" (то есть в направлении труб Светловской ГРЭС) с Колодкиным ходили, и на шевчуковском мотоцикле ездили именно в этот сезон. В обоих случаях я, как более опытный рыбак, приобщал своих напарников к ловле судаков, давал им свои удочки, и оба раза они поймали, а я нет. Причём Колодкин всякий раз не успевал делать подсечку, ослаблял лесу и даже и выпускал её из рук, а тем не менее выловил двух судаков и окуня. У меня же в тот раз было всего две поклёвки, и после одной из них я почувствовал, что вроде бы хорошо засёк, тащу - тяжёлый, идёт хорошо. Не торопясь перебираю лесу руками и зову Колодкина: "Смотри, как судаков надо вытаскивать!" И, конечно, у самой лунки - бац, сошёл! Наверное, не засёкся, а просто держал блесну зубами, а у лунки открыл пасть и пошёл обратно, ко дну поближе.

— А с Шевчуком поехали на корюшку. Он попросил у меня на всякий случай судаковую удочку, и даже не блеснил - судак взял на всякую блесну, и Саня его вытащил. Отнесу к этому сезону и такой случай. Опять же "под трубами" повстречался мне Абизов на своём мотоцикле - лёгком "Минске" с самодельной коляской в виде ящика с колесом. Он на нём ездил исключительно на рыбалку по льду, избегая гаишников, так как не имел водительских прав. Абизов предложил мне перебраться с ним в другое место, где он уже был, и где хоть мелкие судачки "царапают", а тут, мол, вообще глухо. Поехали. Абизов уселся на готовые уже лунки, я - неподалёку. Минут через десять гляжу - Абизов вытащил что-то здоровенное, но не судака, зелёное. Налима, что ли? Подхожу - щука килограммов на шесть. Я перебрался поближе к Абизову, и он у меня на глазах за следующие пятнадцать минут вытащил ещё пару судаков и укатил менять рыбу на водку. Я занял его лунки. Но где там! Ни у меня, ни у сбежавшихся со всех сторон мужиков, продолбивших лунки рядом с абизовскими, даже поклёвок не было. Вот, что значит - дело мастера боится!

В борьбе с Гостремом зима пролетела незаметно. Наступила весна. Бирюковы уехали в Очаков. Бабушка подбивала нас переехать в их квартиру, такую же как наша, только на втором этаже. Сашуля была согласна, я возражал - чего затевать переезд, а вдруг в Калининграде квартиру дадут? "Когда-то это ещё будет", - отвечали Сашуля и бабушка, - "а пока хоть поживём с балконом". Откровенно говоря, я и сам на квартиру в Калининграде особенно-то не надеялся, тем более в ближайшем будущем, а связываться с переездом наверх мне было просто лень и неохота.

На месткомке вокруг освободившейся квартиры Бирюковых разгорелись страсти, претендовали на эту квартиру две семьи: Кореньковых и Фроловых. Первые жили вместе с Саенко в бывшей гострёмовской трёхкомнатной квартире, а вторые занимали однокомнатную квартиру. И у тех, и у других по одному ребёнку. Очередь на жильё в Ладушкине при Гостреме не велась, он им сам распоряжался - дом, мол, ведомственный, хотя это было и не так: дом был передан горсовету. И Кореньков, и Зина Фролова, лаборантка ещё со времён Суходольского (тогда она была Юдина), сами были членами месткома, председателем тогда был Шагимуратов, его заместителем - я.

Андреич (Николай Андреевич Коновалов, наш завхоз) предлагал отдать бирюковскую квартиру Фроловой, как имеющей большой стаж работы в обсерватории, а Кореньковым - освобождающуюся однокомнатную Фроловых. Я же агитировал в пользу Кореньковых, подчёркивая, что они оба работают в обсерватории, и что речь идёт таким образом о жильё сразу для двух специалистов высокой квалификации, которым жильё было обещано Гостремом в первую очередь, из-за чего они и переехали сюда из Новосибирска. При голосовании прошло моё предложение. Зина, конечно, расстроилась, но вскоре и для

Фроловых освободилась двухкомнатная квартира, а именно - наша!

— Скепсис наш не оправдался: в апреле из горисполкома пришло извещение о выделении для обсерватории трёхкомнатной квартиры в Калининграде по адресу: улица Фрунзе, дом № 30а, квартира 13, общей площадью в 64 квадратных метра, из которых 44 считались жилой площадью, то есть приходились на собственно комнаты, остальное - коридор, кухня, туалет, ванная, кладовка. Местком выдал мне на руки своё решение о предоставлении этой квартиры мне, и я поехал оформлять документы, необходимые для получения ордера на квартиру. Бумажек и подписей на них требовалось много, пришлось обегать несколько инстанций, расположенных в разных концах города, так что за день я, разумеется, не управился, но уж дом свой будущий, конечно, посмотрел, пока только снаружи.

— Им оказалась крупнопанельная многоподъездная девятиэтажка, вытянутая вдоль улицы Фрунзе рядом с только что возведённым Домом Быта - тогдашней гордостью новостроек города. Сзади и сбоку к "нашему" дому примыкал огороженный кирпичным забором склад аптекоуправления, но всё равно оставалось обширное пространство - двор, на территории которого теперь оказался знакомый мне ещё с детства кинотеатр "Баррикады". Так что Иринке и ожидаемому младенцу есть где гулять.

— А вообще-то район новостроечный, бывший центр Кенигсберга, практически полностью разрушенный и только теперь застраиваемый одинаковыми крупнопанельными девятиэтажками. Зелени, конечно, мало, не то, что в уцелевших районах немецких особняков. Но с транспортом вроде удобно: рядом с домом остановки трамваев - "четвёрки", которая ходит к кирхе, и "восьмёрки" - к вокзалу. Все эти сведения я сообщил Сашуле. Вскоре и она сама побывала на Фрунзе и согласилась со мной, что местоположение не из худших, вот только аптечный склад портит впечатление. "Снесут его, наверное, скоро", - успокаивал я Сашулю.

— Ордер я получил, конечно, не сразу. Пришлось побегать, оформлять выписку-прописку и т.п. Но вот, уже в мае, и ордер, и ключи, наконец, на руках. Идём с Сашулей смотреть квартиру - понравилась. По ладушкинским меркам просто шикарная квартира. Четвёртый этаж, лифт, мусоропровод, горячая вода, вот только газ ещё не подключён. Все комнаты кажутся одинаково большими, вместительная кладовка, балкон вдоль гостиной и кухни, лоджия в комнате, выходящей во двор на южную сторону, которую мы сразу определили как детскую. Обои вполне приличные, не надо переклеивать. Пол, правда, страшноват: покрыт матовым линолеумом, который, судя по всему, на время отделочных работ был прикрыт бумагой, на большей части площади приклеившейся (или специально приклеенной) к линолеуму и плохо отдиравшейся. Несколько выходных я потратил полностью только на то, чтобы отодрать эту бумагу, не повредив линолеума. Заливал пол горячей водой и скоблил, скоблил...

— Кое-какие некрупные вещи стали потихоньку перевозиться из ладушкинской квартиры в калининградскую. Под книги Лаговский выделил пару ящиков с ручками, настоящих сундуков (из-под ЗИПа к ЭВМ), но их, конечно, не хватило, связывали книги в стопки, рассовывали по коробкам. Окончательный переезд откладывался до того времени, когда у Иринки закончатся занятия в школе и дадут газ в квартиры, а газ не давали пока все не поселятся, так что пришлось нам переехать и некоторое время жить без газа, пользуясь электроплиткой. Окончательно мы перевозили свой скарб 30-го мая на обсерваторском транспорте - фургоне и грузовике.

— С большими трудами, точнее, уговорами мне удалось перевезти в Калининград два предмета из нашей таллинской ещё мебелировки - громоздкий двухтумбовый письменный стол и туалетный столик, Сашуля была категорически против:

— - Не стыдно такую рухлядь в новую квартиру тащить!

— - Какая это рухлядь? Это полезные и удобные вещи, они ещё век прослужат!

— - Ну да, буду я век с этими страшилищами жить!

— Круглый обеденный стол и полутораспальную кровать из наследства моих родителей

оставили в Ладушкине. Погружаться помогли ладушкинские друзья - Кореньков, Колодкин, Шагимурагов, Саенко, разгружаться - калининградские - Латышев, Захаров, Суроткин, Клименко и те же Кореньков с Шагимураговым, ну и шофера, конечно, Коля Драпеза и Ваня Каратеев. Разгрузившись и затащив вещи в квартиру, тут же и обмыли её по первому разу.

—И началась наша новая жизнь. Прощай, Ладушкин!

—Опять я поселился в Калининграде, через девятнадцать лет после переезда из Песочной на Красную, теперь уже со своей собственной семьей, которой предстояло вскоре увеличиться.

(продолжение следует)

[Главная страница](#)

[Путеводитель по "Запискам рыбака-любителя"](#)